

Л.Ю. ПАРАМОНОВА (Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1-1(Сологуб Ф.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,445

«ЛЕГКОЕ МЕЧТАНЬЕ» ИЛИ ТРАГЕДИЯ ИМПЕРСКОГО ПЕТЕРБУРГА: ЦВЕТОЗВУК В СТИХОТВОРЕНИИ Ф. СОЛОГУБА «ОВЕЩЕСТВЛЕННАЯ ДРЕМОТА...»

Аннотация. В статье приводится анализ стихотворения Федора Сологуба с целью выявления особенностей образа Петербурга и его цветофоносемантической окраски в данном произведении. Цель исследования – проследить соотношение преломленного в стихотворении образа города и его цветофоносемантической окраски, наблюдая, как цвет формирует создаваемый поэтом облик города и влияет на его эмоциональное восприятие. В ходе анализа автор статьи опирался на труды, посвященные фоносемантике и значению цвета и звука, написанные современными учеными и самими символистами. Автор исследует, как цвет формирует создаваемый поэтом облик города и влияет на эмоциональное восприятие стихотворения. Доказывается существенная роль цветозвука в углублении содержания произведения.

Ключевые слова: цветозвук, фоносемантика, Петербург, петербургский текст, образ Петербурга, русская поэзия, русские поэты, поэтическое творчество, анализ стихотворения.

Тема Петербурга – благодатная почва для русской поэзии и прозы, этот город всегда привлекал и продолжает привлекать к себе внимание, рождать мифы, менять лица и краски, становясь сверхреальностью, в которой сфера ирреального и реалистичного тесно переплетены и неразрывно связаны между собой. Тема Петербурга в русской литературе претерпела множество изменений и интерпретаций, от города-чуда, пророчащего России светлое будущее до апокалипсического града Антихриста, призрачного, угнетающего и угнетенного, обреченного на гибель. В любом случае этот город всегда был и остается «сверхнасыщенной реальностью» [Топоров 1995: 261], полной образов, фантомов, звуков, призраков и загадок. На протяжении XIX-XX веков интерес к городу на Неве не ослабевал, сформировав особый пласт художественного текста – петербургский текст. Исследованием

специфики петербургского текста занимались многие ученые, среди них – Н.П. Андиферов, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, З.Г. Минц и др.

Образ Петербурга ярко представлен в творчестве поэтов Серебряного века, главными «фигурами» здесь следует назвать А. Блока, А. Ахматову, О. Мандельштама. Среди символистов особенно часто обращались к теме Петербурга А. Белый и А. Блок. Все эти авторы создали свои варианты петербургского мифа. В данной статье мы обратимся к стихотворению Ф. Сологуба «Овеществленная дремота» в аспекте символики цвета. Наша задача – проследить соотношение преломленного в нем образа города и его цветофоносемантической окраски, наблюдая, как цвет формирует создаваемый поэтом облик города и влияет на его эмоциональное восприятие. В ходе нашего анализа мы будем опираться на труды, посвященные фоносемантике и значению цвета и звука, среди которых работы Ю. Казарина и А.П. Журавлева, а также разработки самих символистов и их современников по теории цвета и звука: А. Белого, К. Бальмонта, П. Флоренского.

Обращаясь к стихотворению Сологуба, мы видим довольно живой, яркий образ города. Петербург у Сологуба – центр империи, он предстает в блеске и золоте, это город славы и воинской доблести, пышный и нарядный. Но что скрывает в себе эта внешняя торжественность?

*Овеществленная дремота –
Адмиралтейская игла,
Вверху кораблик. Позолота
На них мечтательно светла.
На это легкое мечтанье,
Летящее в святую весь,
Так непохожа строгость зданья,
Которое воздвиглось здесь.
В определенных, ясных тонах
И красных крыш пологий склон,
И барельефы на фронтонах,
И охра стен, и мел колонн.
А там, за каменным порогом,
В стальной замкнувшись затвор,
Чертог вознесся за чертогом
С большими окнами в простор.
Там собирались адмиралы.
Пройдя багровый дым боев,*

*Они вступали в эти залы
Для управительных трудов.
Пестрели ленты, и сверкали
Медали, звезды, ордена,
Брильянты, золото, эмали,
Всё, чем кокетлива война.
Засматривался часто чертик
Тщеславья или власти бес
На золоченый тонкий кортик
И на эмалевый эфес.
Кораблик плыл, гоним ветрами,
Как все кораблики плывут,
И проносились перед нами
Цусима, Чесма и Гангут.
Так переменчивые годы
Текли, текут и будут течь
В веках неволи и свободы,
Пока не перекован меч.*

[Сологуб 1979: 597]

Начинается стихотворение с образа кораблика, который предстает символом легкости, свежести и святости: «Позолота // На них мечтательно светла». Он ассоциируется с образом старого петровского Петербурга, который проступает сквозь последующие строчки стихотворения как нечто светлое, безвозвратно утерянное в нынешнем блеске и тяжести. Весь город представлен через образ Адмиралтейства, детище Петра I, воплощающее в себе тщеславие нынешнего поколения и слепое стремление к власти. Любопытна цветовая гамма стихотворения на предметно-тематическом уровне: в первых строфах, как уже говорилось, мы видим мечтательность и позолоту – этот цвет в таком контексте словно бы отражает лучи солнца и создает легкое, светлое настроение. В этом свете и «красных крыш пологий склон», и «охрана стен» смотрятся светлыми и чистыми красками, полными надежды и жизни. Однако, начиная с третьей строфы, автор вводит эмоциональный контраст – «а там, за каменным порогом, В стальной замкнувшийся затвор...». Как противопоставление этой живости и открытой светлоте, современные здания Петербурга – стальные, каменные, бездушные. Через образ камня косвенно закрадывается серость, тот самый цвет, который А. Белый некогда назвал «чёртом» [Белый 1994: 202]. Но кроме серости, если взглянуть на стихотворение как на карти-

ну, сразу же буквально ослепляет блеск и пестрота – это бездушие подчеркивается создаваемыми образами тщеславия и показной торжественности:

*Пестрели ленты, и сверкали
Медали, звезды, ордена,
Брильянты, золото, эмали,
Всё, чем кокетлива война.*

[Сологуб 1979: 597]

Большая часть стихотворения, как мы видим, посвящена именно имперской тяжести, гнеущей город. Он вынужден жить в постоянном блеске, в мишуре, благодаря тому самому «*чертику тщеславия*», образ которого появляется в середине стихотворения наряду с «*бесом власти*». Эта нечисть основательно завладела Петербургом и крепко держит его в своих цепях. Обращение к inferнальным, потусторонним силам, олицетворяющим людские пороки, очень показательное для смысловой нагрузки стихотворения. Возвращаясь к цветообозначениям, отметим, что центральная часть стихотворения, призванная отразить как раз гнет бесов власти и тщеславия, пестрит красными и золотыми цветами («*багровый дым боев*», «*золото, эмали*»), а как известно – это цвета пламени, ада и страданий. Здесь же мы видим бесконечное множество блеска, это и образы бриллиантов, и ордена, и эмали. Не лишним будет упомянуть, что в символике камней бриллиант – это камень могущества и силы, а золото зачастую фигурирует как символ лжи, измены и подмены истинных ценностей [Сурина 2010: 72]. Это та самая мишура, которая отвлекает глаз обывателя от истинной трагедии, войн и насилия. Автор прямым текстом называет свое время веком неволи: «*в веках неволи и свободы*». Кажущаяся свобода скрывает за собой страшные годы войн и революций, выпавшие на долю Петербурга и России в целом.

Если рассмотреть стихотворение на фонетическом уровне, в самом начале мы заметим активную звукопись на [e], [ě], к середине стихотворения усиление звука [a], а к финалу активное использование [o] и [y]. Что из этого следует? Звуки [e] и [ě], начинающие стихотворение, словно подчеркивают создаваемый автором светлый образ мечты, кораблика, «*плывущего*» на вершине адмиралтейства – они окрашивают строки в ярко-жёлтые, позитивные в данном контексте тона, словно подчеркивая уже упомянутую нами выше семантику позолоты как света, отражающего солнце. Сгущение звука [a] в последующих

строчках обусловлено нагнетанием темы тяжести и рока войн, он звучит ярко-красным предупреждающим сигналом, все нарастающим и нарастающим (автор вводит и лексические обозначения этого цвета – «багровый»), и впоследствии разрешается в минорном тяжелом [у]. Этот звук, как известно, выражает давящие впечатления, это что-то гнетущее, фиолетовое, обволакивающее. Таким образом, и на уровне цветозвука мы наблюдаем переход от светлого манящего прошлого к тяжелой действительности, в свете чего державность Петербурга предстает уже в совсем иных тонах. Мотивы «*управительных трудов*» активно поддерживаются автором звукописью на [а] и постоянным упоминанием камней, драгоценностей, тяжести. Единственное светлое пятно в этом образе города – кораблик. Выделенный и на лексическом, и на фонетическом уровне с помощью светлых оттенков, он предстает перед нами отражением образа самого поэта-мечтателя, который рвется в «*святую высь*», но при всем этом остается прикованным к шпилью Адмиралтейской иглы. Он – пленник системы, государства, пленник обстоятельств своего томления. И в этом образе кораблика поэт передает судьбу каждого петербуржца, вынужденного жить под игмом «*беса тщеславия*»: «*Кораблик плыл, гоним ветрами, Как все кораблики плывут...*». Время течет, меняется, но «*пока не перекован меч*», то есть пока свобода и неволя сменяют друг друга, а власть, насилие и войны тесно связаны между собой, все в этом мире остается неизменным.

Таким образом, в стихотворении Сологуба мы видим Петербург торжественным, в блеске и славе, но за этим блеском и за этой державностью все сильнее и сильнее проступает его истинная трагедия – обреченность на тщету и повторяющееся из века в век насилие. М.И. Дикман в своей статье «Поэтическое творчество Федора Сологуба» очень точно подметила, что вся лирика поэта – «это своего рода обвинение уродливой социальной действительности, которая извращает все человеческое, разобществляет человека и загоняет его в тупик безысходного одиночества. За ней стоит драматическая человеческая судьба с болью и страданием» [Сологуб 1979: 3]. Эта характеристика идеально подходит к проанализированному нами стихотворению, в коем Петербург является столицей того самого безысходного одиночества, боли и страдания.

Подводя итог, можно сказать, что стремление автора как можно более полно выразить свое отношение, создать свой образ города посредством всех выразительных средств ведет к тому, что в данном стихотворении в тесном симбиозе работают и лексические, и предметно-тематические, и фонетические средства выразительности. Большую

роль в формировании целостного восприятия образа города играет именно использование автором цветозвука. Благодаря ему мы можем наиболее полно прочувствовать все нюансы смысла, передаваемые поэтом в стихотворении.

ЛИТЕРАТУРА

Анциферов Н.П. «Непостижимый город»...: Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. Л.: Лениздат, 1991. С. 219-220.

Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. – 528 с.

Дикман М.И. Поэтическое творчество Федора Сологуба // Вступ. статья, Сологуб Ф. Стихотворения Л.: Сов. писатель, 1979. – 679 с.

Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избранные статьи: в 3 т. Т. 2. Таллин, 1992. – 480 с.

Минц, З.Г. «Петербургский текст» и русский символизм / З.Г. Минц, М.В. Безродный, А.А. Данилевский // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII: Вып. 664. Тарту, 1984. – С. 78-123.

Сологуб Ф. Звезда Маир: стихотворения. М.: Летопись, 1998. – 249 с.

Сологуб Ф. Стихотворения Л. : Сов. писатель, 1979. – 679 с.

Сурина М.О. Цвет и смысл в искусстве, дизайне, архитектуре. Ростов-на-Дону: «Март», 2010. – 152 с.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. – 623 с.

Топоров, В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы». Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту: ТГУ, 1984. – С. 4-29.